

М. А. АНТОНОВИЧ И «ВЕХИ»

Л. Коган

Незадолго до ссылки Н. Г. Чернышевского в Сибирь его навестили близкие люди, в их числе и Максим Алексеевич Антонович, тогда ещё молодой публицист «Современника».

Чернышевский был для М. А. Антоновича старшим товарищем, ближайшим соратником и руководителем, учителем жизни. Если статьи Белинского (особенно его «Письмо к Гоголю») впервые приобщили молодого разночинца к революционной общественной мысли, то в активную публицистическую работу он был вовлечён в конце 50-х годов Чернышевским и Добролюбовым. Вслед за ними и рука об руку с ними на страницах лучшего русского журнала того времени Антонович отстаивал идеи материализма, атеизма и реалистической эстетики. Антонович был видным публицистом-философом различного лагеря. Статьи Антоновича, опубликованные в начале его литературного пути, отличались ярко выраженной воинственностью¹.

М. А. Антонович прожил долгую жизнь; родившись ещё в условиях господства крепостного права (в 1835 г.), он пережил четырёх российских самодержцев и дожил до Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в его долгой жизни период сотрудничества в «Современнике» 60-х годов остался вершиной его публицистической деятельности. Именно в это время написаны Антоновичем полные полемической страсти и проникнутые незаурядной эрудицией статьи против немецкой идеалистической философии и против русских идеалистов — Юркевича, Гогоцкого, идео-

лога народничества Лаврова и др. И хотя по вопросам философии и на естественнонаучные темы Антонович немало писал и позже, в целом вся его деятельность после ликвидации первого демократического натиска тех лет и ареста Чернышевского развивалась уже по нисходящей линии: тон его статей становился постепенно всё глуше, умереннее, революционно-демократические устремления уступали место абстрактному просветительству, всё отчётливее в его статьях пробивались вульгарно-материалистические нотки. Влияние его как публициста резко упало и вскоре сошло на-нет. И всё же последующая эволюция этого видного шестидесятника отнюдь не представляет собой сплошного непрерывного отхода от ранее завоёванных позиций. У него были свои подъёмы и взлёты. Во-первых, следует учесть, что и после ликвидации «Современника», этой трибуны революционной крестьянской демократии, Антонович сохранял верность основным устоям материалистического мирозерцания, атеизму. Об этом свидетельствуют, в частности, его выступления в журнале «Космос», особенно статья «Единство физического и нравственного космоса», опубликованная в № 1 за 1869 г., где Антонович продолжал отстаивать принцип материального единства мира, его вечности во времени и бесконечности в пространстве. Эти положения связаны у него с атеистическим выводом об отсутствии какого-либо сверхъестественного «машиниста», приводящего в движение космос. «Природа,— писал он,— есть локомотив, идущий без предварительно положенных рельсов и без машиниста; движение его зависит от него самого»².

Среди идей, волновавших Антоновича в конце 60-х годов, заслуживает быть отме-

¹ По поручению «Земли и воли» им была написана даже прокламация. См. П а н т е л е е в Л. «Из воспоминаний прошлого», стр. 310. 1934.

² «Космос» № 1 за 1869 г., стр. 7.

ченной идея создания универсального труда, дающего целостную материалистическую картину мироздания. «У меня в голове бродит... план... сделать нечто всеобъемлющее, о земле и небе и всяких тварях»³, — писал он А. Н. Пыпину; он предполагал посвятить первую часть этого труда космогонической системе Лапласа, вторую — очерку небесной механики, третью — истории земли, четвёртую — месту человека в животном царстве, пятую — физиологии человека, шестую — происхождению человеческого общества и, наконец, седьмую — последующей истории человечества⁴. Хотя этот план остался неосуществлённым, однако в известной мере он свидетельствует о направлении и диапазоне философских интересов Антоновича в тот период, об его стремлении широко обосновать принципы материалистического миропонимания.

Во-вторых, надо отметить, что сквозь все превратности своего жизненного пути Антонович пронёс горячую любовь, непоколебимое уважение к памяти своих учителей — Чернышевского и Добролюбова. Одно из ярких проявлений этого чувства — письмо в защиту памяти Добролюбова от 18 сентября 1883 г., адресованное А. Н. Пыпину. Непосредственным поводом для его написания послужили сообщения о предполагаемом переносе праха Добролюбова на «привилегированную» часть кладбища. Возражая против этого, Антонович писал: «Обращаюсь к Вам с настоящим письмом, как к человеку, которому память Добролюбова, вероятно, столь же дорога, как и мне, и который лично был к нему, может быть, даже ближе, чем я. Скажите, Александр Николаевич, неужели Вас не возмущает чудовищная затея нескольких непринятых господ, самозванных литературных старейшин, которые дерзают нарушать покой дорогого для нас праха и под видом оказания ему любезности оскорбляют и унижают его? Галантные люди делают Добролюбову честь, переводят гроб его из шестого разряда в первый, из плебейской части кладбища в аристократическую. Уж сама по себе эта мысль крайне дика... Представьте себе, что бы сказал на подобную светскую любезность сам Добролюбов и как отнесётся к ней, например, Николай Гаврилович! Пусть прах его вечно покоится в том месте, где его похоронили его истинные друзья и почитатели, пусть он лежит в той священной могиле, над которой плакал, которую благословил и у которой сказал своему другу последнее прощанье Николай Гаврилович, — в той могиле, в которую и мы с Вами, Александр Николаевич, опускали дорогой для нас гроб и бросали горсть земли, а вместе с нами и вся небольшая кучка друзей и почитателей покойного... Чистая аристократи-

ческая половина ему не к лицу, как она была не к лицу ему при жизни. Ему место не среди знатного богатства, а среди отверженной бедности...»⁵.

К светлым страницам в биографии Антоновича следует отнести и настоятельную пропаганду им эволюционной теории Дарвина и материалистических воззрений корифеев русского естествознания. В защиту дарвинизма в числе первых адептов и популяризаторов дарвинизма Антонович выступил ещё в 1864 году. В своей статье «Теория происхождения видов в царстве животных» он радостно приветствовал первый русский перевод важнейшего труда Дарвина⁶. Спустя три десятилетия он вновь возвратился к пропаганде дарвинизма в своей книге «Чарльз Дарвин и его теория», вышедшей в 1896 году. Эта работа интересна для нас не только как один из характерных документов истории русского дарвинизма, но ещё и в другом отношении. В ней впервые у Антоновича мы встречаем упоминание о Марксе. Ученик Чернышевского писал о родоначальнике марксизма и о недавно вышедшей работе Плеханова «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю» с нескрываемым сочувствием, хотя сути марксизма он не понял и марксистом не стал. Он отмечал, что против учений Маркса и Дарвина ополчились наиболее реакционные силы современного общества: «В настоящее время самыми ожесточёнными противниками Дарвина, как и Маркса, оказываются те сферы, которые служат опорами и столпами буржуазной эксплуатации и всякой экономической и политической неправды»⁷.

Последней яркой страницей в биографии Антоновича была полемика против реакционной, веховской идеологии. Нетрудно усмотреть связь между всеми этими фактами — верностью общим основам материалистического мировоззрения и памяти своих учителей, преподавших ему эти основы, выступлением против врагов Дарвина и Маркса в 90-е годы и полемикой против идеологической реакции 900-х годов, тем более, что веховцы выступали также и против Чернышевского.

В чём же проявилась полемика Антоновича против «Вех» и веховщины?

Годы столыпинского «успокоения» прекрасно охарактеризованы в статье И. В. Сталина «К десятилетию «Правды»: «Скованность общественной мысли, общая усталость и апатия, нужда и отчаяние среди рабочих, забитость и запуганность крестьян при общем разгуле полицейско-помещичье-капиталистической своры — таковы характерные черты столыпинского «успо-

³ Цит. по рукописи, хранящейся в архиве А. Н. Пыпина, в рукописном отделе Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

⁴ Там же

⁵ Цит. по рукописи, хранящейся в архиве А. Н. Пыпина в рукописном отделе Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

⁶ См. «Современник». Т. СІ, стр. 67. 1864.

⁷ Антонович М. «Чарльз Дарвин и его теория», с биографией и обзором его сочинений», стр. 92. 1896.

коения»⁸. В эту мрачную пору, весной 1909 г., кадетские литераторы — Бердяев, Булгаков, Кистяковский, Струве и др. — выпустили сборник «Вехи». Контрреволюционные веховцы предавали в нём анафеме традиции передовой русской общественной мысли, оплёвывали революцию, яростно ополчались против демократии и материализма. В своём холопстве перед царизмом они дошли до открытого заявления о необходимости благословлять самодержавную власть, которая одна своими штыками ещё ограждает их от народной ярости. «Вехи» явились реакционным знаменем времени, ярким выражением контрреволюционной идеологии русской либеральной буржуазии. В. И. Ленин подверг этот сборник сокрушающей критике. 26 (13) ноября 1909 г. он прочитал в Париже публичный реферат на тему «Идеология контрреволюционного либерализма. Успех «Вех» и его общественное значение», а в декабре того же года опубликовал свою знаменитую статью «О «Вехах». В ней В. И. Ленин разоблачил дицинные «откровения» кадетских писак как энциклопедию либерального ренегатства и противопоставил их «модному» мракобесию революционный марксизм.

В то время как «Вехи» были проникнуты ненавистью к материализму вообще, к русскому материализму в особенности, и, стремясь «уничтожить» Чернышевского как философа, противопоставляли ему идеалиста-мистика 60-х годов Юркевича и его преемников, В. И. Ленин видел в отечественной материалистической традиции одно из ценнейших приобретений русской и мировой культуры. Он подчёркивал неразрывную связь передовой русской общественной мысли с освободительным движением, обусловленность её развития ростом революционных настроений народных масс и огромное, мировое значение русской революционно-демократической философии.

Подходя к революционно-демократическим и материалистическим традициям русской общественной мысли с позиций революционного марксизма, В. И. Ленин творчески, критически использовал из них всё то, что могло найти применение в борьбе с врагами марксистского мировоззрения. Особенно убедительным подтверждением этого является тот факт, что В. И. Ленин включил в свой главный философский труд, «Материализм и эмпириокритицизм», специальное добавление (к § 1 главы IV) — «С какой стороны подходил Н. Г. Чернышевский к критике кавтианства?»⁹. Столь же показательным является и то обстоятельство, что И. В. Сталин ещё в 1904 г. в статье «Как понимает социал-демократия нацио-

нальный вопрос?» указывал на значение борьбы русских диалектиков 50-х годов (т. е. опять-таки прежде всего Чернышевского) против метафизики.

Высоко оценивая воинствующий характер философского материализма Чернышевского, его непримиримость к идеализму, В. И. Ленин писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»¹⁰.

Вокруг «Вех» разгорелась ожесточённая борьба.

Реакционная пресса встретила сборник «Вехи» горячим одобрением. В «Новом времени» были помещены хвалебные статьи В. Розанова и А. Столыпина. Октябристский орган «Слово» в мае 1909 г. поместил открытое письмо архиепископа Антония авторам сборника «Вехи». Антоний Волынский выражал восторг по поводу этого выступления вождей либерализма. От имени веховцев ему отвечал Бердяев.

По-своему включился в эту разгоревшуюся вокруг «Вех» полемику и последний мотылек старого «Современника» — М. А. Антонович. 17 (30) мая 1909 г. в газете «Новая Русь» появилась его статья «Покаявшийся блудный сын и пропащий человек». В ней он сатирически уподоблял веховцев персонажам библейской легенды: «Подобно своему блудному прототипу, они скоро осознали ужас своего положения, решили возвратиться на правый путь, бросить «интеллигенцию» и жидовствующую ересь и вернулись в отчий дом, сочинили и напечатали «Вехи», которые представляют собой покаянный вопль их прототипа — блудного сына: отче согрших на небо и пред тобою. Был ещё один блудный сын, бывший интеллигент г. Мережковский; но он уже раньше покаялся и потому не попал в «Вехи»¹¹.

Критикуя «Вехи», Антонович особенно подчёркивал то обстоятельство, что этот сборник удостоился признания и поощрения такого матёрого блюстителя реакции, как Антоний Волынский: «Милосердным отцом оказался в этом случае высокопреосвященный Антоний, владыка Волынский, который, подобно своему прототипу в

тель-материалист, непримиримый ко всякой реакции, ко всякому идеализму, мог быть привлечён как особенно действенный союзник в борьбе против современного обскурантизма. Ещё в октябре 1908 г., узнав, что предполагается подготовка сборника, посвящённого жизни и деятельности Чернышевского, Ленин выразил готовность написать для сборника статью о философских воззрениях Чернышевского (см. Ленин и н. Соч. Т. XXVIII, стр. 550).

¹⁰ Там же, стр. 295.

¹¹ «Новая Русь» от 17 (30) мая 1909 года.

⁸ И. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 129.

⁹ Ленин. Соч. Т. XIII, стр. 293—295. 3-е изд.

То обстоятельство, что многие из высказываний В. И. Ленина о Чернышевском относятся к годам столыпинской реакции, является не случайным, а закономерным. Из всех представителей домарксовской философии именно Чернышевский, как самый выдающийся революционный мысли-

притче, поспешил навстречу покаившимся блудным сынам, паде на выю их и облобызал их в метафорическом смысле, напечатал хвалебное песнопение, чуть не акафист»¹². Досталось в статье Антоновича и бывшему «легальному марксисту» Струве, ставшему одним из видных лидеров партии кадетов. Правда, из статьи видно, что сам Антонович имел ранее весьма превратное представление о взглядах Струве, идеализировал их, будучи далёк от понимания их либерально-буржуазной сущности. Всё же эволюцию Струве он рассматривал как непрерывную деградацию, сползание со ступеньки на ступеньку в реакционный омут. Он писал, что ещё до выступления в «Вехах» Струве стал проповедником «государственности» (читай: апологетом царизма), защитником антисемитизма и т. п., а после издания «Вех» Струве умилился похвалами, расточаемыми церковным «владыкой», и заявил, что он почтительный, а не блудный сын церкви. «Судя по ходу деградации фон-Струве, по падению его со ступеньки на ступеньку, можно, наверное, ожидать, что он, если его похвалит отец иеромонах Иллудор, отречётся от мира и всех благ его, будет стремиться к иноческому сану и поступит послушником к о. Иллудору». «Прочь сорная трава, оставшаяся лучше»¹³ — таков общий вывод этой статьи Антоновича. Но не только в ней определил он свою позицию по отношению к «Вехам». С этой статьёй тесно связаны и некоторые другие документы, принадлежащие его перу и относящиеся к этому же периоду. Укажу прежде всего на его «Письмо провинциала столичному приятелю». Здесь он выступил как бы от лица провинциальной интеллигенции, стоящей в стороне от модных реакционных течений и чуждой мистическим проискам богоискателей и богостроителей. «Мы не охвачены и даже не задеты, — писал Антонович, — современными модными течениями и веяниями, и потому мы мало религиозны и слабо благочестивы или, говоря словами просвещённого Антония Вольского, круглые невежды в религиозном отношении, и нас мало интересует вопрос, чья религия лучше — религия Мережковского с Гиппиус, проповедуемая в кадетских органах печати, или Бердяева с Булгаковым, угодная октябристам и более правым, и к какой из них нам следовало бы приписаться. Вообще, никакая неземная мистика нас не интересует»¹⁴. Для Антоновича, как это с очевидностью следует из его статьи, были совершенно несущественны оттенки, отличавшие «синего чорта» богостроительства от «жёлтого чорта» богоискательства. Пресловутый архиепископ, открыто ратующий за интересы господствующей церкви, «строющий» нового бога, Мережковский и веховец Бердяев — всё это, по Антоновичу, явления одного и того же порядка, порождения современной реакции. И он выражал удивление по поводу того, что в числе авторов сборника «Вехи» не фигурировали такие люди, как Мережковский с Розановым: их

«философо-религиозии» по праву должны были бы найти там себе место.

Стремясь дезавуировать претендовавших на новейшие «откровения» в области общественной мысли веховцев, Антонович показал, что «Вехи» являются переделом давно известных избитых реакционных мотивов: «Всё само по себе ясное и понятное в «Вехах» давным давно и предавно известно всем и каждому, даже не учившемуся в семинарии, от преподавателей закона божия и из тьмы тем душеспасительных сочинений. Таковы, например: нужно верить в бога, надеяться на бога, нужно быть благочестивым, избегать греха, а если согрешишь, то нужно покаяться, то-есть, как объясняет г. Булгаков, «передумать, переосмотреть и осудить свою прежнюю духовную жизнь»¹⁵.

Полемiku против «Вех» и веховщины, начатую в 1909 г., Антонович продолжил спустя два года в новом журнале «Современник». Выбор им этого журнала в качестве точки приложения своих сил был крайне неудачен. Новоявленный «Современник» ничего общего не имел ни по своей политической ориентации, ни по своей философской направленности со своим тёзкой — «Современником» 60-х годов. Вначале в новом журнале доминировали эсеровско-кадетские элементы, а затем он стал органом блока народнической и меньшевистской (ликвидаторской) интеллигенции. В письмах Горькому от 22 ноября 1910 г. и 3 января 1911 г. В. И. Ленин подверг этот бесприщипный журнал резкой критике. Трудно сказать в точности, что побудило престарелого чернышевца выступить с полемикой против веховского мракобесия именно на страницах нового «Современника». Скорее всего здесь сказалось то, что ему всё труднее становилось разбираться в сложной расстановке классовых сил, да к тому же и характер нового журнала ему ещё не был ясен, когда он писал своё письмо в редакцию (оно было опубликовано в 1-м номере). Антонович, видимо, прилегло название журнала, обманчиво напоминавшее о днях его молодости. Так или иначе, но участие Антоновича в амфитеатровском «Современнике» оказалось кратковременным, вскоре его имя исчезло из списка сотрудников.

В своём «Письме в редакцию» Антонович уже не ограничился, как прежде, изобличением, высмеиванием веховцев, но я пытался противопоставить им свои собственные идеалы. И здесь воочию обнаруживается односторонность, ограниченность его позиции. Даже в годы своего творческого расцвета Антонович не был силён в утверждении положительной программы. Теперь же, когда он так основательно отошёл от активной общественной жизни и отстал от современных требований, ему тем более было не под силу выступить со сколько-нибудь чёткой положительной программой, которая отвечала бы потребностям новых масс. В

¹⁴ Цит. по рукописи, хранящейся в Государственном литературном архиве (Москва), 1840/8.

¹⁵ Там же.

¹² «Новая Русь» от 17 (30) мая 1909 года.

¹³ Там же.

своей полемике против «Вех» Антонович обращался глиняным образом к тому старому идейному арсеналу, который был ему хорошо знаком ещё по журнальным битвам 60-х годов. — к «Современнику» Чернышевского. Идея противопоставления старого «Современника» новейшей реакции проходит через всё «Письмо» красной нитью. В новых обскурантах Антонович узнал своих старых врагов, подделявавшихся ныне под современность. «В нынешней периодической печати, да и не в одной только периодической, процветает и торжествует всё то, против чего ратовал, с чем боролся и что поражал ваш тезка («Современник» Чернышевского — Добролюбова. — Л. К.) и вся тогдашняя прогрессивная печать»¹⁶, — писал Антонович, обращаясь к редакции, и тут же расшифровывал, каких именно врагов имеет он в виду: это «мрачный мистицизм», «туманная супранатуральная философия» и «несуразная религиозно-философия или философо-религиозия»¹⁷. Кроме того, возмущался Антонович, «появились неслыханные доселе в русской литературе богоскательства и сочинители новых религий»¹⁸.

Ученику Чернышевского были глубоко чужды и враждебны не только религиозно-философские «искания» периода столыпинской реакции, но и господствующая художественная литература того времени, на три «впостасы» которой он указывал в своей статье: порнографическую, сыщичскую и декадентски-символическую¹⁹. Убеждённый противник «искусства для искусства», воспитанный на традициях классической русской литературы (особенно высоко ценил Антонович творчество великого драматурга Островского) и реалистической эстетики, Антонович яростно обрушивался на современных проповедников формализма, безидейности и пошлости в искусстве. «Являются целые сборники, альманахи без цели, без смысла, без всякого серьёзного содержания и единственно только для забавы. В них немало модных стихотворений, состоящих из громких, вычурных слов и фраз, в которых нет не только логического, но и грамматического смысла... Литература и в читающей публике развила соответствующие вкусы, и одна часть публики набрасывается на порнографические, сыщичские и декадентские продукты, а другая — на религиозно-философские обличения и поучения, направленные против политики и «хлеба единого», вроде пресловутых «Вех», поставленных для руководства интеллигенции семизвёздной плеядой блудных сынов... Эти «Вехи» восхвалял, возблагодарил и благословил высокопреосвященнейший Антоний Вольнский»²⁰.

Особенно резкий отпор со стороны Антоновича вызывало творчество одного из литературных кумиров того времени, Леонида Андреева. Мистицизму и претенциозной

ходульности, искусственности андреевских «философических» пьес Антонович противопоставил полнокровную реалистическую драматургию Островского, правдиво отображавшую общественную жизнь. В пьесах Островского, указывал Антонович, всё ясно и определённо, реально и живо, они представляют собою яркую, полную разнообразия картину подлинной русской жизни. В этих пьесах рельефно выступает и «тёмное царство» и «луч света» в нём. Что касается философских пьес Андреева, то в них всё туманно, мистично и вымучено, «это какие-то странные аллегории и притчи, какие-то неестественные положения, умственные корчи с претензией на философствование»²¹.

Веховцы всячески поносили передовое наследие 60-х годов и, в частности, отрицали значение Чернышевского как философа. В противовес им Антонович с гордостью поднимал на щит философское наследие своего учителя, непримиримого до конца своих дней ни с каким идеализмом, ни с какой мистикой. «Особенно важным и ценным в литературной деятельности Николая Гавриловича, как это оказывается именно теперь, — подчёркивал Антонович, — было то, что он был отъявленным врагом всякой мистики и супранатуральной метафизики, чадом и угаром которых затуманивают умы читателей нынешние модные литераторы. И было бы очень желательно и крайне полезно, если бы нынешние читатели почаще вентилировали свои головы и освежали свои умы здравым реализмом Николая Гавриловича...»²².

В качестве противовоядя против гнетущего реакционного засилья в философии науке и искусстве Антонович наряду с материализмом Чернышевского выдвигал также достижения отечественного естествознания. В этой связи он указывал прежде всего на классический труд отца русской физиологии И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» и на работы великого русского физиолога И. П. Павлова²³. Антонович был одним из первых, кто высоко оценил значение трудов Павлова в истории материализма.

Таковы основные моменты полемики Антоновича против «Вех» и реакционной идеологии столыпинского периода вообще.

Антонович не дал и не мог дать последовательной и всесторонней критики «Вех». Он был одиночкой, оторванным от револю-

²¹ Антонович М. Письмо в редакцию. Цит. по рукописи, хранящейся в Государственном литературном архиве (Москва) 1840/10.

²² «Памяти Николая Гавриловича Чернышевского». Доклады и речи Н. Ф. Анненкова, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Посникова и М. И. Туган-Барановского, стр. 14—15. СПб. 1910.

²³ Материалистическое мировоззрение Сеченова всегда привлекало горячие симпатии Антоновича. В 60-е годы он изучал под руководством Сеченова физиологию. В 1881 г. Антонович посвятил великому физиологу статью «Сеченов о не-свободе воли», помещённую в февральском номере «Нового обозрения».

¹⁶ «Современник», книга 1-я. 1911, стр. 392.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 393.

ционного движения масс и отставшим от требований общественной науки. Несмотря на своё частичное знакомство с Марксом, он не дошёл до марксизма, остался просветителем. Всё это с неизбежностью обуславливало то, что и в наследии 60-х годов (которое не утратило для него своего обаяния, несмотря на все зигзаги его жизненного пути) он выдвигал на первый план не политический радикализм, не боевой революционный демократизм, не идею необходимости народной революции (являвшуюся лейтмотивом мировоззрения великих шестидесятников), а просветительские тенденции, рассматривая традиции старого «Современника» в значительной мере в естественно-научном, просветительском аспекте и напирая больше (пользуясь известным выражением Маркса о Фейербахе) на природу, чем на политику.

Всё это, естественно, наложило свой отпечаток и на полемику Антоновича против «Вех». Было бы неправильно переоценивать её, упуская из виду её ограниченность. Русские революционные марксисты во главе с Лениным и Сталиным, творчески усвоившие и переработавшие ценнейшие приобретения классической русской философской мысли; развивая дальше марксизм на основе обобщения гигантского исторического опыта новой эпохи, подняли на высшую ступень все отрасли общественной науки. Только с мар-

ксистских позиций возможно было проведение до конца последовательной борьбы против реакции, нанесение ей смертельных ударов. Эта задача была успешно решена большевиками.

Что же касается полемики, которую вёл Антонович против «Вех», то она представляет интерес прежде всего в историческом, историко-философском плане. Она наглядно показывает, как действовал русский материалист-разночинец, один из ближайших соратников и учеников Чернышевского, в условиях новой исторической эпохи, перед лицом нового наступления реакции: подвергнувшись в этих особо трудных условиях жесточайшему испытанию, он выдержал его.

Идеи материализма в философии и реализма и народности в искусстве, воспринятые у Чернышевского и успешно применённые Антоновичем в 60-е годы, были ещё раз, в новых исторических условиях, мужественно обращены им против врагов демократии и науки, против современного буржуазного мракобесия. Последний из могикан старого «Современника» не мог остаться в стороне, — и здесь в нём сказался ученик Чернышевского, — когда Мережковские, Бердяевы, Струве и иже с ними единым фронтом выступили в поход против изрода, против завоеваний науки, против близких его сердцу передовых заветов русской общественной мысли.